

БЫЛА ЛИ ФИЛОСОФИЯ В ДРЕВНЕЙ СПАРТЕ?¹ — 2

И.А. Панафидин

1. Введение

Утверждение, что Древняя Спарта не оставила в истории мировой философии ни одного выдающегося философа уровня Гераклита, Демокрита или Платона, сегодня можно считать общепринятым. Действительно, достоверных свидетельств о том, что в Древней Спарте была какая-либо философская школа, просто не существует. Но насколько обоснованно лишь на этом основании категорически отрицать наличие философских знаний в этом античном полисе? Не уместным ли было бы, например, допустить, что «лаконичные» спартанцы просто не записывали своих философских мыслей, ограничиваясь «жанром устной беседы», аналогично тому, как это делал Сократ? Ведь не таким уж и бессмысленным кажется вопрос: знали ли бы мы вообще что-либо о Сократе, если бы не письменные свидетельства Платона или Ксенофонта, которые, будучи одновременно его учениками, даже друг о друге нигде не упоминают? Кто знает — если бы не гений Платона, не постигла ли бы Сократа, как одного из классиков античной философии, судьба одного из его учителей Архелая, или основателя Элидо-Эретрейской школы Менедема, или одного из ярких представителей школы киников Диогена Синопского, или основателя школы

¹ Данная статья представляет собой существенно переработанный и дополненный вариант статьи «Чи була філософія в Давній Спарті?», которая была опубликована в № 10 сборника «Актуальні проблеми духовності» за 2009 год (с. 127-139).

киренаиков Аристиппа Киренского и многих других мыслителей Древней Греции? Они не оставили философских произведений, но их идеи дошли до нас в форме притч, анекдотов, легенд, а также в виде цитат в работах других авторов.

Общеизвестно, что историю пишут победители, а потому в ней не упоминаются проигравшие. Античная философия была полностью запрещена в 529 г. н.э. — специальным эдиктом византийского императора Юстиниана. Право на какое-либо античное интеллектуальное наследие перешло к христианской церкви, а христианским философам было интересно только то, что не противоречило ее основным догматам. Потому классической философией стали теории афинских мыслителей Платона и Аристотеля, которые были адаптированы (проинтерпретированы) для широких масс в процессе становления христианской, а значит и средневековой европейской философской мысли. В то же время, альтернативные концепции Демокрита или Анаксагора считались еретическими, соответственно, не имели права на существование. В эпоху Возрождения именно христианизированные классики стали приоритетным фундаментом для модернизации философской и культурной рефлексии вообще. В противовес им, как идеологической основе христианства, исследователи Ренессанса находили утраченные трактаты с совершенно противоположными идеями и старались апеллировать в найденных интерпретациях либо к Платону, либо к Аристотелю.

К тому же, сведения о спартанцах мы черпаем в основном из трудов их соперников — афинян: Фукидида, Лисия, Демосфена и др. Объективность требует, прежде всего, непосредственно лакедемонских первоисточников, которых мы практически не имеем. Таким образом, по нашему мнению, вопрос о существовании философской интеллектуальной традиции в Древней Спарте является спорным. Ставшее классическим утверждение о том, что «греческая культура, развивавшаяся в атмосфере господства слова и борьбы мнений, и философия в частности почти ничем не обязана Спарте» [13, с. 18], несомненно, берет начало со времен расцвета Лакедемонского государства, периода классической античной философии — V-IV ст. до н.э.

2. Платон и Плутарх: две путанные традиции осмысления спартанского культурного наследия

Первым, кто утвердительно высказался о существовании каких-либо научных знаний (либо их отсутствии), и в свою очередь, об их фило-

софской направленности в Спартанском государстве — был, по нашему мнению, Платон. Амбивалентная позиция, которую он занял по отношению к характеру лакедемонской эрудиции и рефлексии, поставила в тупик дальнейшие изыскания историков философии и других исследователей всей античной культуры. Так, в своем раннем сократическом диалоге «Гиппий большой» Платон утверждает словами одноименного софиста, что спартанцы не считают полезными для себя ни «науки о звездах и о небесных явлениях», ни о «геометрии», а также равнодушны к науке «о значении букв и слогов, ритмов и гармоний». Однако, небывалый интерес вызывают у лаконцев речи Гиппия Большого о «родословной героев людей, заселении колоний, о том, как в старину основывались города», то есть «все рассказы о далеком прошлом» [19, с. 286]. Подобная экспликация действительно является интересной в том плане, что, по отношению к состоянию философской рефлексии в Спартанском государстве именно она и стала доминирующей среди последующих исследователей античности.

Противоположное мнение мы находим в другом платоновском диалоге «Протагор», где устами Сократа впервые, на наш взгляд, автор характеризует состояние развития философских знаний в Спарте. Более того, упоминаемая им лакедемонская «пайдейя» (способ воспитания и формирования гармонически развитой личности, как в духовном, так и в физическом отношении [18, с. 406]) является приоритетной в Элладе в целом на ранней стадии формирования классической античной философии. В истории философии данный период известен как период «семи мудрецов» [4, с. 31].

Платоновский Сократ, говоря о «семи мудрецах», утверждает, что «к таким людям, принадлежали Фалес Милетский, и Питтак Митиленский, и Биант из Приенны, и наш Солон (Афинский), и Клеобул Линдский, и Мисон Хенейский, а седьмым между ними считается лаконец Хилон. Все они были ревнителями, любителями и последователями лаконского воспитания». Кроме того, он уточняет: «Таков у древних способ философствовать: лаконское немногословие» [21, с. 229-230].

Переходя к более точной характеристике спартанской философии, он указывает, что «лаконцы действительно отлично воспитаны в философии и в искусстве слова». Находя, что спартанское немногословие (лаконичность) является непонятным для остальных греков, он утверждает, что «лаконствовать — это значит более любить мудрость, чем телесные упражнения» [21, с. 229-230]. Этот способ философствования строится по известному нам методу Сократа: «но критяне и лаконцы

подобно тем софистам», якобы «отрицают это и делают вид, как будто они невежественны, чтобы не обнаружилось, что они превосходят мудростью всех эллинов». Затем, «вдруг, в любом месте речи, метнет он, словно могучий стрелок, какое-нибудь точное изречение, краткое и сжатое, и собеседник кажется перед ним малым ребенком. . . Умение произносить такие изречения свойственно человеку в совершенстве образованному». Примером же этого стиля философствования служат широко пропагандируемые самим Сократом принципы: «Познай самого себя» и «Ничего сверх меры» [там же].

Парадоксальным также является то, что с точки зрения Платона, во-первых: «Раньше и больше всего философия была распространена на Крите и Лакедемоне», и, во-вторых: «что самое большое на Земле число софистов было там же». При этом, «они хотят, чтобы их признавали наилучшими воинами и мужественными людьми, тем самым скрывая собственное настоящее преимущество» [21, с. 229]. Общеизвестным является тот факт, что древнегреческая цивилизация началась с крито-минойской культуры. Таким образом, с подачи Платона мы можем говорить, о том, что и философия начала развиваться на крито-лакедемонской основе.

Кроме того, важным моментом в этом тезисе Платона является то, что «когда лаконцам надоедает тайно общаться с теми софистами, что находятся у них, они изгоняют чужеземцев, и тогда свободно общаются с софистами (собственными) втайне от чужих» [21, с. 229]. На наш взгляд, этот тезис Платона об изгнании иностранных учителей мудрости из Лакедемона и объясняет устоявшееся мнение о том, что у спартанцев отсутствовали какие-либо интеллектуальные достижения.

Если пристально рассмотреть систему воспитания в спартанском обществе, то в «Жизнеописании» Плутарха посвященному Ликургу, он, утверждает, что: «быть спартанцем — значит заниматься скорей философией, нежели гимнастикой» [25, с. 113]. Описывая сисситии (совместное времяпрепровождение, включающее общие трапезы мужчин [30, с. 528]), Плутарх утверждает, что именно там спартанские дети учились развитию ума, слушая разговоры о политике [25, с. 103]. Кроме целенаправленной подготовки к воинской службе, он указывает также, что их с малых лет учили этическим добродетелям, причем, в рассуждениях, заставляя логически обосновывать свои ответы, в которых «должна была заключаться и причина, и доказательство, но в краткой, сжатой форме» [25, с. 110]. Такое обучение логически обосновывать этические добродетели — очень ценилось, поскольку в Древней Спарте: «тот, кто терялся при вопросах “Кто хороший граж-

данин?” или “Кто не заслуживает уважения?” считался умственно неразвитым и неспособным совершенствоваться нравственно» [25, с. 110].

При этом возникает естественный вопрос: «Обучали лакедемонян логике или этике — какие-нибудь знаменитые философы?». Плутарх отвечает и на этот вопрос. Так, в «Жизнеописании», посвященном спартанскому царю Клеомену III, он приводит пример такого обучения:

Сообщают, что Клеомен еще подростком познакомился с учениями философов благодаря Сферу из Борисфена, который приехал в Лакедемон и много времени уделял беседам с мальчиками и юношами. Этот Сфер был одним из самых способных учеников Зенона Китийского, он, по-видимому, полюбил Клеомена за его природное мужество и разжег в нем честолюбие [24, с. 88].

Результаты подобного воспитания позитивно оценивались во всей Элладе, где, по мнению Плутарха: «в то время как другие считают существование истинного философа чем-то идеальным, (Ликург) сделал из своих граждан целый город философов» [25, с. 124]. Это стало возможным потому что: «детей приучали, кроме того, выражаться колко, но изящно и в немногословной форме и в немногих словах — многое» [25, с. 111]. Однако, следует заметить, что конкретные философские школы или философские учения им не указываются, остатки какой-либо философской рефлексии с трудом обнаруживаются в его произведении «Изречения спартанцев» [23], но тут мы можем констатировать лишь поучения морально-этического характера. К тому же Плутарх, вслед за Платоном, противоречиво утверждает, что: «Спартанцы изучали грамоту только ради потребностей жизни. Все ж остальные виды образования изгнали из страны; не только сами науки, но и людей, ими занимающихся» [23, с. 308]. Вероятно также, что именно этот тезис Плутарха также стал общепринятым для последующих историков философии.

3. Философия в Древней Спарте — наука или мировоззрение?

Для того чтобы четко определить предмет нашего исследования, нужно сформулировать понятие «философия» и как оно могло соотноситься с тем уровнем возможной философской рефлексии в Древней Спарте. Тут мы можем отметить, исходя из отрывка Платона, что мнение первых спартанских мыслителей носило этический характер. Подобные моральные наставления гражданам, по мнению

А.Н. Чанышева, были распространены среди мыслителей того времени не только в Древней Греции, но и в Древней Индии, и в Древнем Китае [33, с. 120]. К тому же, мудрость «семи мудрецов» нельзя идентифицировать с наукой или мифологией, поскольку она выступает третьим источником философии — обыденным сознанием. Афоризмы — «гномы», которые имели всеобщую форму жизненной мудрости, были распространены на территории всей Эллады и сыграли большую роль в становлении философии как научной системы. Именно такие крылатые высказывания как «Познай самого себя» или «Больше всего пространство, потому что оно все в себе содержит» обусловили в дальнейшем «физикофилософскую» рефлексию «натурфилософии» в Древней Греции [33, с. 119-122].

Российский философ А.А. Гусейнов справедливо замечает, что семь мудрецов пытались расширить ареал древнегреческого знания благодаря переходу морали от устных норм к конкретным правилам поведения, которые отличались категоричностью, безусловностью, истинностью, в форме приказа. Три ключевых момента в мировосприятии: (1) ориентация на общественное благо; (2) умение владеть собой; (3) соблюдение моральных правил ради только почтительного отношения к окружающим — обязывали человека осознать, что он не одинок в этом мире, поэтому строить свои отношения с другими нужно для того, чтобы стремление к лучшему стало фундаментом этих отношений. Знание постоянно обязывало человека хотеть совершенства, контролировать свои страсти и поступки [11, с. 320-324]. Таким образом, основой мировоззренческих представлений спартанцев стали морально-этические представления о природе и сути человеческих отношений, что, конечно, не могло не отразиться и на их общественном строе.

Следует заметить, что в начале зарождения античной философии, когда не существовало четкого понимания о философии как науке, мировоззренческие принципы спартанского мышления фактически были направлены на обоснование определенных этических принципов как фундамента специфического уклада жизни. Так, известный историк философии Ф.Х. Кессиди утверждает, что целью и образцом такого рационального мышления спартанцев была военная сила, которая в тот исторический период была способна решать жизненно важные вопросы спартанского государства [13, с. 18].

Классическое определение философии, данное Иммануилом Кантом, согласно которому философия — это наука об отношении любого познания к существенным целям человеческого ума [12, с. 501] — вряд ли подходит к исследуемому нами вопросу. Философия, на наш

взгляд, — это наука, которая занимается постановкой и рациональным обоснованием наиболее общих мировоззренческих проблем. Она исследует сущность мира, человека и различные типы отношений человека к миру (познавательное, оценочное и практически преобразовательное). Однако существует и философия на обыденном уровне — это способ духовного, культурного выживания, уникальный и своеобразный механизм приспособления человека к острым проявлениям действительности окружающего мира. Всякая сфера человеческой деятельности имеет круг насущных проблем, которые не решишь практически научными способами, а потому там, где бессильна наука, иногда «всесильна» философия. Это и объясняет наличие своеобразной философской рефлексии, например у японских самураев, точно также, как и возможность присутствия ее в Спарте.

Как отмечает К. Поппер, в определенном смысле все люди являются философами. Даже когда они не понимают, что встречаются с философскими проблемами, они имеют философские предрассудки. Последние выливаются в теории, которые признаются как самые явные, поскольку они черпаются из самобытной духовной традиции или из окружающей общественной среды [26, с. 15]. Поэтому можем предположить, что спартанцы строили свою мировоззренческую картину, исходя из собственных представлений о философии как о морально-этической системе. К тому же, мы присоединяемся к мысли В. Виндельбанда, что философия является сложным и переменчивым культурным явлением, которое невозможно втиснуть в четкую схему или рубрику [5, с. 26]. Безусловным, на наш взгляд, является и то, что мнение первых спартанских мыслителей носило этический характер; а рассматриваемые ими вопросы не касались физических явлений как у Фалеса Милетского, или же математических поисков Пифагора.

4. Дискуссия о состоянии философской рефлексии в Древней Спарте

Своеобразная дихотомия трактовки состояния философской (и научной вообще) мысли в Спартанском государстве, на наш взгляд, и вызвала неоднозначную оценку, как современников, так и последующих исследователей античной философской мысли. Следует заметить, что в истории философии можно выделить два направления, представители которых неоднозначно трактуют данную проблему:

1. Позиция, утверждающая полное отсутствие философской традиции в Древней Спарте, по различным причинам: изгнания всех наук

и искусств, полной культурной замкнутости и доминирования военных учреждений в жизни спартанцев и т.д., мы находим у Платона в диалоге «Гиппий Большой», а также у Плутарха в «Жизнеописаниях спартанцев». К подобным мыслям приходили такие видные философы и историки философии, как Ж.-Ж. Руссо [28, с. 16], Г.В.Ф. Гегель [7, с. 708-710], Т. Гомперц [9, с. 553], Б. Рассел [27, с. 138.], Х. Ортега-и-Гассет [16, с. 278], Ж.-П. Вернан [3, с. 86]. Эту же точку зрения разделяли и советские философы Ф.Х. Кессиди [13, с. 18] и Н.С. Вольская [6, с. 7].

2. Исследователи, которые настаивают на том, что Спарта в интеллектуальном и культурном отношении, ничем не отличалась от других полисов. Различие состояло лишь в законодательстве Лакедемонского государства, которое определяло доминирование военного порядка в державе, что и является выразительной чертой ее философии. Мудрость лаконичная, выражающаяся в точном и ясном определении понятий в «гномах» семи мудрецов, а также изречениях спартанцев. Следовательно, можно говорить о своеобразной жизненно-практической философии, зафиксированной античными историками философии еще в досократический период. Среди апологетов наличия философской рефлексии в Спарте мы находим противоречивые утверждения самого Платона [21, с. 229-230] и Плутарха [25, с. 103, 23], а также косвенные свидетельства Ямвлиха [37, с. 147-149] и Диогена Лаэртского [10, с. 77-78]. Кроме того, о том, что в Спарте существовала определенная ограниченная интеллектуальная традиция, говорили и более поздние авторы, например, К.А. Гельвеций [8, с. 474-475, 480] и М. Оссовская [17, с. 62-75].

Представители первого направления, утверждающие, что в Спарте вообще отсутствовала какая-либо философская рефлексия, являются в основном представителями философии Нового времени. Так, Ж.-Ж. Руссо в своей работе «Рассуждение, получившее премию Дижонской Академии в 1750 году по вопросу, предложенному этой же Академией: “Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?”», вероятно основываясь на трудах Платона и Плутарха, заявляет:

О, Спарта, вечное посрамление бесплодной учености! В то время, как пороки предводительствуемые изящными искусствами, вместе с ними проникали в Афины, где тиран с таким старанием собирал творения первого из поэтов, ты изгнала из своих стен искусства и художников, науки и ученых [28, с.16].

Таким образом, противопоставляя согласно устоявшейся традиции Лакедемон Афинскому государству, Руссо утверждает полное отсутствие

не только философской, но и научной традиции в целом, поскольку практичность действий спартанцев в жизни не согласовывается с абстрактными рассуждениями, которыми славились афиняне. Тем не менее, на наш взгляд, общепринятое многими историками философии указываемое изгнание деятелей искусств и наук не полностью соответствует действительности.

Так, неоплатоник Ямвлих, рассказывая о Пифагоре, утверждает, что: «Он также побывал на Крите и в Спарте для изучения их законов. Изучив их все, он вернулся домой и вновь обратился к прерванным исследованиям» [37, с. 34]. Кроме того, Ямвлих приводит интересную деталь, во многом объясняющую высоко ценимую практическую деятельность в науке у лакедемонян. Пифагор занимался в Древней Спарте научными врачебными изысканиями:

действительно, мы знаем, что Лакедемон после произведенного им (Пифагором) в этой земле очищения уже не заражался чумой, тогда как прежде эта болезнь часто поражала его из-за того, что он расположен в неудачном месте: над ним возвышаются Тайгетские горы, и стоит отметить, что это создает духоту [37, с. 67].

Подобная услуга вряд ли бы забылась спартанцами, а потому Ямвлих, рассказывая о Пифагоре, называет среди 218 его учеников 3 лаконцев: Автохарида, Клеанора, Эврикрата. Кроме того, как было принято у пифагорейцев, последователи этого учения нашлись и среди женщин. Из 17 учениц 4 были спартанками: Хилонида, дочь лаконца Хилона; лаконянка Кратесиклея, жена лаконца Клеанора; лаконянка Теадуса; Клеэхма, сестра лаконца Автохарида [37, с. 147-149]. Таким образом, подобные факты говорят о представителях спартанской философской мысли как учениках Пифагора. Более того, наличие среди его последователей и женщин косвенно свидетельствует о влиянии непосредственно италийской ветви развития философии, в отличие от ионийской. Интересно что, в то же время, из афинян Ямвлих называет только Неокрита [37, с. 149].

В свою очередь, древнегреческий фундаментальный историк философии Диоген Лаэртский говорит об Анаксимандре, который проводил географические опыты в Древней Спарте: «Он же первый изобрел гномон, указывающий солнцестояния и равноденствия, и поставил его в Лакедемоне на таком месте, где хорошо ложилась тень (так пишет Фаворин в “Разнообразном повествовании”）」 [10, с. 93]. С ним соглашается известный немецкий историк философии Т. Гомперц: «Такой именно “гномон” был установлен Анаксимандром в Спарте — так гласит предание, хотя в другой версии оно связывает с этим имя его

преемника — Анаксимена» [9, с. 52]. Заметим при этом, что вызывает сомнение у Гомперца — автор изобретения, а не место проведения опытов — Лакедемон. Кроме того, Анаксимандр, по утверждению Цицерона, предсказал лакедемонянам землетрясение, которое разрушило сам город Спарту, но граждане спаслись, послушавшись совета знаменитого философа выйти из домов [14, с. 99]. Российский историк философии А. Маковельский отмечает, что ученик Анаксимандра — Анаксимен искал прибежища в Лакедемоне после бегства из захваченного персами города Милета [14, с. 116]. Таким образом, мы можем предположить, что Древняя Спарта, также как и другие города в Древней Греции, была прибежищем различных ученых и в том числе философов, что никак не соответствует устоявшимся представлениям об ее замкнутости.

К тому же, известный скептик Секст Эмпирик в своем произведении «Против риториков» утверждает, что речь идет об изгнании из Спарты и других государств непосредственно риториков — учителей красноречия. «Сами спартанцы всегда ненавидели риторику и пользовались простой краткой речью» [29, с. 126]. Причины изгнания философов он уточняет следующим тезисом: «Затем, если некоторые государства и изгнали философию, то изгнали они не всю ее вообще, но лишь некоторые школы, как, например, эпикурейскую — за проповедь наслаждения и сократовскую — за то, что она принижает божественное» [29, с. 126-127].

Традицию Руссо об отсутствии философских знаний в Древней Спарте продолжил Г.В.Ф. Гегель. В прочитанных своим студентам «Лекциях по философии истории» мы находим утверждение, что: «дух лакедемонян был направлен исключительно на государство, — образованность, искусство и наука не привились у них». Безусловно, интересным является и тот тезис Гегеля, что политическим строем Древней Спарты является демократический, хотя и со «значительными изменениями, почти обращавшими ее в аристократию и олигархию» [7, с. 710]. Общеизвестно, что демократия является одной из основных причин возникновения «греческого чуда» — в т.ч. и классической античной философии. Казалось бы, что в спартанском полисе должна присутствовать какая-нибудь философская рефлексия. Но «суровая абстрактная добродетель», а также «учреждения, в которых вполне выражаются интересы государства, но целью, которых является бессмысленное равенство, а не свободное движение» [7, с. 708] — обусловили в Лакедемоне отсутствие личной свободы как необходимого условия для рациональной философской рефлексии.

В то же время на признание наличия «мусических искусств у спартанцев» указывает еще один представитель Просвещения — Клод Адриан Гельвеций в трактате «Об уме»:

Лакедемоняне, которых иные писатели любят изображать как людей добродетельных, но скорее грубых, чем духовно утонченных, были не менее остальных греков чувствительны красотах искусств и наук [8, с. 474].

Кроме того, он указывает на особое отношение спартанцев к поэтическому искусству:

Страстно любя поэзию, они позвали к своей стране Архилоха, Ксенодома, Ксенокрита, Полимнеста, Сакада, Периклида, Фриниха, Тимофея. Они так благоговели перед поэзией Тирпандра, Спендонта и Алкмана, что запретили рабам петь их стихотворения, это было, по их мнению, профанацией божественных вещей [8, с. 474].

Хотя, следует отметить, что в то же время Гельвеций никаких конкретных фактов занятия философскими изысканиями спартанцев не приводит. Интересным является и то, что среди множества поэтов, творивших в Лакедемонии, он указывает Арея. Советский философ В.Н. Делограмматик в примечаниях к трактату Гельвеция «Об уме» утверждает, что это Арей (Арий) Дидим, стоик [8, с. 629].

В силу традиции, начатой Руссо и Гегелем, на отсутствие философской рефлексии в Древней Спарте указывает и Теодор Гомперц:

Отдельный человек, направленный исключительно на выполнение государственной цели, всецело занятый мыслью о государстве, обнаруживает минимум художественной и научной деятельности [9, с. 553].

Однако, следует заметить, что еще в античные времена один из первых систематизаторов истории философии Диоген Лаэртский из многочисленных претендентов на звание греческих «семи мудрецов» спорно выделяет двух «этнических спартанцев»: Хилону Лакедемонского и Аристодема Спартанского. По нашему мнению, именно они были первыми известными популяризаторами названного выше Платоном «лаконского стиля» философствования.

Так, например, Хилон Лакедемонский поучает своих граждан ограничению собственных желаний:

Сдерживай язык, особенно в застолье. . . Не угрожай: это дело женщин. . . Кто сильный, тот пусть будет и хорошим, чтобы тебя уважали, а не побаивались. . . Законам покоряйся. . . Покоем пользуйся [10, с. 77-78].

В противовес ему Аристодем Спартанский культивирует финансовую независимость, которая гарантирует мощь и чествование сильной личности: «В богатстве — весь человек / кто добр, но убог, — ничтожен» [10, с. 64].

Однако, уже в предписаниях Хилона Лакедемонского чувствуются философские идеи природного права: «Добродетель человека в том, чтобы рассуждением достигать предвидения будущего» [10, с. 77]. Именно этот тезис стал определяющим в развитии идеи о том, что человек благодаря логическому мышлению способен предвидеть будущее и этим отличается от животных, а также может выстраивать свою жизнь, объединившись благодаря разуму с другими людьми.

Бертран Рассел в своем классическом труде «История западной философии» замечает, что единственным родом занятий гражданина Спарты была война, к которой его готовили от рождения. Также в Лакедемоне не интересовались культурой или наукой, зато приоритетным заданием была подготовка отличных солдат, полностью преданных государству [27, с. 138]. Однако, достаточного обоснования полного отсутствия в Спарте философии, науки или искусства Рассел не предоставляет. В то же время представитель Львовско-Варшавской школы аналитической философии Мария Оссовская заявляет:

Если под рыцарским этосом понимать этос правящего класса, свободного от хозяйственных забот, презирающего любое занятие, кроме военного, заполняющего свой досуг спортом, охотой и пиршествами, то этос спартанцев можно назвать рыцарским наравне с гомеровским этосом [17, с. 74-75].

Так, Плутарх в своем произведении «Изречения спартанцев», описывает лаконца Евдамида, который противопоставляется афинскому философу-платонику Ксенократу. Евдамид, узнав, что Ксенократ занимается поиском добродетели, интересуется непосредственно практической значимостью его философии: «Когда же он воспользуется ею, если теперь он только ее ищет?» [23, с. 269].

Хосе Ортега-и-Гассет справедливо замечает:

Имея множество сведений об Афинах, мы в то же время чрезвычайно мало знаем о других городах. Даже о Спарте, несмотря на ее историческое значение, мы не располагаем сведениями необходимыми, чтобы представить себе ее повседневную жизнь.

Но в то же время он явно противоречит самому себе, когда говорит о появлении философии в Древней Греции:

И если сейчас, когда речь идет о выяснении обстоятельств связанных с первыми философами, без сведений о Спарте мы могли обойтись,

то по отношению к другим городам этого сделать нельзя, поскольку именно в них, а не в Афинах рождались и жили в первой половине V в. «мыслители» [16, с. 278].

По нашему мнению, развитие спартанской мысли определенным образом воспроизвело тот путь, которым прошло философское учение Сократа. Последний, отчаявшись в тщетности учений натурфилософии, стал рассуждать над природой человека [2, с. 123], то есть стал разрабатывать свое уникальное этическое учение. Но следует заметить, что этика Сократа — это лишь одна из трех ветвей развития Афинской философии, а именно — «софийная», к представителям которой можно отнести также Пифагора и Платона. Кроме «софийной», выделяют «эпистемную» (Аристотель) и «техническую» (от «техне» софистов) ветви [34, с. 11]. Поскольку сфера лакедемонского мышления ограничивалась этическими представлениями (по крайней мере, мы не имеем свидетельств о развитии натурфилософских систем), это, безусловно, ограничивало их рефлексию лишь этикой или практической философией.

Ж.-П. Вернан также утверждает, что древнегреческая философия Спарте ничем не обязана. Однако, в то же время отмечает, что общественно-политические реформы и высокое развитие военной техники привели к упорядоченной с помощью закона структуре уникального полиса гоплитов. Идею подобного государства античные философы сформулировали в концептуальном плане, а лакедемоняне построили в реальности [3, с. 86].

Таким образом, представители первого направления истории философии, утверждающие, что в Лаконике не существовало каких-либо попыток философской рефлексии, не приводят достаточно серьезных аргументов. На наш взгляд, это связано с исторической традицией противопоставления Афин Спарте. Однако, косвенно, о наличии и характере спартанской философии говорят сами античные философы, которые были в некотором смысле лаконофилами.

5. Философия войны в Древней Спарте: попытка реконструкции

Европейские традиции ведения войны были заложены древними греками, в том числе и спартанцами. Так, Флавий Вегетий Ренат в своей работе «Краткое изложение военного дела» прямо говорит о преемственности спартанских традиций ведения войны для древнеримской армии. В частности он утверждает, что «у лакедемонян же ис-

ключительной заботой была война. Они были первыми, которые как утверждают, опираясь на опыт, полученный в сражениях, пришли к определенным выводам и написали об этом книги» [31, с. 309]. Кроме того, римский военный теоретик делает акцент на теоретической основе обобщенных военных знаний, полученных в результате различных войн:

Военное дело, которое по всеобщему представлению зависит от одной только доблести и до известной степени от счастья, они сделали предметом опыта и изучения, сведя к системе дисциплины и тактики. Они выдвинули учителей военного искусства, которых они называли тактиками, чтобы они обучали их молодежь практике и различным приемам владения оружием. О мужи, заслуживающие величайшего удивления! Они пожелали изучить искусство, без которого остальные искусства не могут существовать. Следуя их установлениям, римляне не только практически применили законы военного дела, но и написали и книги по его теории [31, с. 310].

О развитии научных знаний в Древней Спарте, подчиненных военному искусству, свидетельствуют такие факты, как построение и применение кораблей для ведения боевых действий на море, использование осадных машин (таранов, перевозочных башен), фортификационные работы, при штурме крепостей и укреплений на суше [35, с. 193-194], [36, с. 40-41]. А тактические маневры боевого строя спартанцев — «фаланги» — нуждались в обстоятельных знаниях в области астрономии, геометрии, механики и физики.

Кроме того, у спартанцев существовала и «этика войны», суть которой выражалась в своеобразном отношении к врагу во время военных действий. Так, например, в случае полной победы лаконцы преследовали соперника только на такое расстояние, которое бы обеспечило окончательное закрепление победы. Согласно Плутарху, по обычаю лакедемонян убивать отступающего противника считалось недостойным делом. Более того, такой обычай имел и рациональное зерно, поскольку враги знали, что спартанцы убивают только тех, кто сопротивляется, и при жестоком столкновении лучше убежать из поля боя [25, с. 115].

Общеизвестно, что спартанцы понимали губительность войны и стремились установить мир в Элладе во время Пелопонесской войны. Спартанский царь Архидам II (476-427/426 гг. до н.э.) перед началом военных действий выступает противником войны:

Я сам, лакедемоняне, участвовал во многих войнах и вижу среди вас моих сверстников, из которых, конечно, нет ни одного, кто бы по

неопытности желал войны: только тот, кто не имеет такого опыта, может считать войну благом или даже легким делом [32, с. 246].

«Если мы будем уничтожать тех эллинов, кто совершает ошибки, то где мы найдем людей, чтобы одолеть варваров?» — отмечал спартанский царь Агесилай II (444–361 гг. до н.э.), когда ему предложили захватить штурмом греческий город Коринф [32, с. 234]. «Воинская этика» спартанцев обычно отображалась и на общей этической позиции эллинов. Упоминания о такой увлеченности мы находим у Платона, который в «Государстве» указывал на губительность войн между эллинами, потому войны между самими греками он предлагал называть раздором [20, с. 271].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в Спарте существовала своя уникальная философско-мировоззренческая система — условно ее можно назвать «философия войны». Она имела практический, прикладной характер, ее спецификой было то, что мировосприятие и миропонимание спартиатов проходили сквозь призму войны. «Философия войны» значительно отличалась от классических философских систем тем, что все было подчинено военному искусству. Отсюда и жесткая рациональность: поскольку спартанцы, согласно Гельвецию, были менее суеверными в сравнении со всеми другими эллинами и предоставляли преимущество рациональному (в отличие от мистического) отношению к религии [8, с. 474–475]. Таким образом, спартанская «философия войны» — это своеобразный феномен человеческой культуры, основной проблемой которого является определенное отношение человека (спартиата) к войне с различных позиций, что включает в себя такие компоненты, как «этика войны», военная теория и научные знания. Схематически этот феномен можно представить следующим образом:

«Философия войны» Древней Спарты

Практическое философствование и «этика войны» (морально-этические учения)	Военная теория (как нужно вести войну — стратегия, тактика)	Научные знания, необходимые для ведения войны
---	---	---

Дискуссия о существовании философии в Спарте является открытой. Прямых доказательств о существовании каких-либо философских школ, мы, к сожалению, не имеем. Мы можем только отметить, что в ранний досократический период развития античной философской

мысли Спартанское государство имело все предпосылки для зарождения философии. Говорить о полном отсутствии философской рефлексии в Древней Спарте, на наш взгляд, не представляется объективным. Этнические спартанцы были мифографами, поэтами, историками, философами. Об этом говорят косвенные свидетельства древних авторов. К сожалению, из интеллектуального наследия спартанцев почти ничего не сохранилось.

Литература

- [1] *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. — М.: Мысль, 1983. — С. 375-644.
- [2] *Богомолов А.С.* Античная философия. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- [3] *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. — М.: Прогресс, 1982.
- [4] *Виндельбанд В.* История древней философии. — К.: Тандем, 1995.
- [5] *Виндельбанд В.* Что такое философия // Философия культуры: Избранное. — М. ИНИОН, 1994. — С. 22-67.
- [6] *Вольская Н.С.* Фон социально-исторической, философской и научной парадигм в античной Греции доэллинистического периода. // Философские науки. — 1991.— № 11. — С. 3-22.
- [7] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. — СПб.: Наука, 2000.
- [8] *Гельвеций.* Об уме // Гельвеций. Сочинения. В 2-х томах. — М.: Мысль, 1974. — Т. 1.
- [9] *Гомперц Т.* Греческие мыслители — Мн.: Харвест, 1999. — Т. 2. Сократ и сократики.
- [10] *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1986.
- [11] *История этических учений: Учебник / Под ред. А.А. Гусейнова.* — М.: Гардарики, 2003.

- [12] *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. — М. : Наука, 2006. — Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1.
- [13] *Кессиди Ф.Х.* От мифа к логосу (Становление греческой философии). — М. : Мысль, 1972.
- [14] *Маковельский А.О.* Досократики. — Мн. : Харвест, 1999.
- [15] *Монтень М.* Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. — М. : Голос, 1992. — Т. 1.
- [16] *Ортега-и-Гассет Х.* Возникновение философии (Послесловие к работе Х. Мариаса «История философии») // Что такое философия? — М. : Наука, 1991. — С. 210-289.
- [17] *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. — М. : Прогресс, 1987.
- [18] *Пайдейя* // Словарь античности. — М. : Прогресс, 1989. — С. 406.
- [19] *Платон.* Гиппий Большой // Платон. Диалоги. Книга первая. — М. : Эксмо, 2008. — С. 149-186.
- [20] *Платон.* Государство // Платон. Диалоги. Книга вторая. — М. : Эксмо, 2008. — С. 89-454.
- [21] *Платон.* Протагор // Платон. Диалоги. Книга первая. — М. : Эксмо, 2008. — С. 187-253.
- [22] *Плутарх.* Древние обычаи спартанцев // Плутарх. Застольные беседы. — М. : Эксмо, 2008. — С. 308- 321.
- [23] *Плутарх.* Изречения спартанцев // Плутарх. Застольные беседы. — М. : Эксмо, 2008. — С. 241-315.
- [24] *Плутарх.* Клеомен // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В трех томах. — М. : Изд-во АН СССР, 1964. — Т. III.
- [25] *Плутарх.* Ликург. // Избранные жизнеописания. В двух томах. — М. : Правда, 1990. — Т. 1.
- [26] *Поппер К.Р.* Все люди — философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант — философ Просвещения. — М. : Едиториал УРСС, 2003.

- [27] *Рассел Б.* История западной философии. — М. : АСТ, 2010.
- [28] *Руссо Ж-Ж.* Рассуждение, получившее премию Дижонской Академии в 1750 году по вопросу, предложенному этой же Академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» // *Руссо Ж-Ж.* Трактаты. — М. : Наука, 1969. — С.11-30.
- [29] *Секст Эмпирик.* Против ученых. Книга II. Против риториков // *Сочинения в двух томах.* — М. : Мысль, 1976. — Т. 2.
- [30] *Сиссития* // *Словарь античности.* — М. : Прогресс, 1989. — С. 526.
- [31] *Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела // *Военная мысль Античности: Сочинения древнегреческих и византийских авторов.* — М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastika, 2002.
- [32] *Фукидид.* История // *Историки античности: В двух томах.* — М. : Правда, 1989. — Т. 1. Древняя Греция. — С. 205-404.
- [33] *Чаньшиев А.Н.* Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. — М. : Высш. школа, 1981.
- [34] *Что такое философия?* («Материалы круглого стола». МГУ им. М.В. Ломоносова. Май. 1994 г.) // *Вестник МГУ. Серия 7. Философия.* — 1995. — № 2. — С. 3-18.
- [35] *Шауб И.,* Андерсон В. Спартанцы в бою. — М. : Яуза, Эксмо, 2008.
- [36] *Энглим С.,* Джестис Ф.Дж., Райс Р.С., Раш С.М., Серрати Д. Войны и сражения Древнего мира. — М. : Изд-во Эксмо, 2004.
- [37] *Ямвлих.* О Пифагоровой жизни. — М. : Алетея, 2002.

Надійшла до редакції 31 серпня 2015 р.